

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА: РЕАКЦИИ И РЕФЛЕКСИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.798

EDN: TJLDYG

Конспирологический тренд в обыденных практиках социальной рефлексии: теоретические обобщения

Ссылка для цитирования: Сергеев В. Н. Конспирологический тренд в обыденных практиках социальной рефлексии: теоретические обобщения // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 91–113. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.798; EDN: TJLDYG

For citation: Sergeev V. N. Conspiracy trend in everyday practices of social reflection. Theoretical generalisations. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 91–113. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.798; EDN: TJLDYG

Сергеев Всеволод Николаевич¹

¹Университет гражданской защиты МЧС Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

v.n.sergeev@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 202401

Аннотация. В представленной статье дается обобщённая характеристика такой специфической формы социального познания, как теории заговора. Подчеркивается, что в актуальном контексте конспирологическое мышление уже не может трактоваться как маргинальное, поскольку повсеместно выступает одним из доступных способов рефлексии индивидами и группами неоднозначных явлений социальной жизни, прежде всего связанных с угрозами безопасности. Независимо от того, какой конечный продукт производится теоретиком заговора – бытовые объяснения, экзотичные социальные, (псевдо) религиозные концепции, политические и геополитические доктрины и т. п., все они объединяются единой концептуальной структурой (обозначенной в работе как «онтологический минимум») и являются результатом действия определённых психологических механизмов. Подчеркивается некоторая схожесть конспирологических построений с критическим направлением философской и, шире, интеллектуальной мысли (в плане выявления практик принуждения и борьбы с ними), с важной оговоркой об их существенных различиях (как правило, несопоставимый концептуальный уровень, «избыточный», «ненасыщаемый» скепсис и др.).

При характеристике конспирологических построений достаточно оправданной представляется позиция исследовательского партикуляризма – избегание обобщённой оценки всех представлений с признаками теории заговора, поскольку единый жесткий критерий таковой отсутствует. Подходы, основанные на применении к теориям заговора единого критерия (конспирология как «плохая наука», психопатологический дискурс и т. п.), имеют ограниченный потенциал и в случае систематического применения могут критиковаться за

необоснованные обобщения (фактически за то же, за что критикуются теории заговора). В континууме значимых для понимания теорий заговора переменных (психологических, социальных и т. п.) большинство доказанных связей не носят жесткого каузального характера. Понимание конкретных построений подразумевает выявление того, как именно такие переменные сочетаются в конкретной теории.

Приведённые обобщённые характеристики могут стать теоретической базой для эмпирических исследований конспирологического тренда в практиках повседневной рефлексии социальных проблем, прежде всего экзистенциальных угроз.

Ключевые слова: конспирологический тренд, теория заговора, конспирологическое мышление, эпистемологический авторитет, эпистемическая беззаботность, агентность, управление угрозами, выявление альянсов, практики принуждения

Постановка проблемы

Существует достаточно широкий спектр оценок конспирологических построений, большинство из которых, казалось, снижает шансы теорий заговора на равных конкурировать с научными и, шире, рациональными схемами объяснения действительности: обычно их располагают на шкале со значениями от «секуляризованных версий Апокалипсиса» [6, с. 234] до «современных версий архаичных представлений и оккультной космологии» [47]. Выявлена статистически значимая (на западном материале) обратная связь веры в заговоры с уровнем образования и прямая – с толерантностью к идеям, основанным на уверенности в реальности сверхъестественного [22], и иным иррациональным убеждениям [50]. В любом случае, сформирован определённый консенсус в отношении того, что в конспирологические идеи верить обычно нерационально [48, р. 61], так как они основаны на своеобразной «искалеченной эпистемологии» («crippled epistemology») – недостатке понимания природы знания в условиях, когда человек склонен рационально реагировать на информацию, но не имеет при этом возможности верифицировать доказательства, лежащие в основе объяснения [12, р. 3].

Демонстративное дистанцирование основной массы представителей научного сообщества от конспирологического нарратива чаще всего связывают со стремлением к демаркации (boundary work), попытками чётко отграничить свободный от ценностей научный анализ фактов от основанных на социальных верованиях конспирологических убеждений [28], тем более что носители последних нередко предпринимают попытки имитировать научные практики и апеллировать к «научным» данным, не признаваемым «официальной» наукой.

Вместе с тем исследователи отмечают нарастание популярности основанных на концепции заговора идей, говорят о своеобразной «культуре заговора», эволюционировавшей за несколько последних десятилетий из девиантного, экзотического явления в общепринятый нарратив

(mainstream narrative), приобретающий, наравне с популярностью, нормативные, институциональные и коммерциализированные черты [8, р. 24].

Одна из ключевых причин такого положения дел отражается в самом содержании конспирологических построений. Речь идёт об общей атмосфере подозрительности, «преобладании репрезентаций над реальностью» [37, р. 102] как социологическом факте и производном из этого значительном недоверии к официальным институтам, в совокупности создающим культурную среду, благоприятную для процветания альтернативных взглядов на реальность, в том числе теорий заговора [37, р. 100].

Такая среда расцветает в условиях радикальной делегитимизации объективного научного знания (породившей «эпистемологическую незащищённость» – epistemological insecurity) [8, р. 25–26]; распада традиций, транслирующих знание на фоне развития абстрактных социальных систем, в значительной мере автономных и воспроизводящих собственную рациональность, которая плохо подходит для глобальных объяснений (ontological insecurity) [8, р. 28]; частой неспособности научного знания, описывающего мир как он есть, «сказать о том, что эти процессы в мире означают» (existencial insecurity) [8, р. 30]. В этом контексте востребованность редукционистских схем теорий заговора нарастает, так как они способны указать аудитории на источник её страданий и потрясений, объяснить текущие кризисы и ответить на вопрос, «почему плохие вещи происходят с хорошими людьми и наоборот» [9, р. 50–51].

В этом смысле конспирологическое мышление может иметь некоторые положительные эффекты, например, подвергать сомнению те или иные устоявшиеся социальные практики, выявлять факты сокрытия информации и т. п. Однако специфика теорий заговора, в том числе тяга к генерализованным суждениям, склонность к рекурсивности, не позволяет в нужный момент «затормозить» процесс дисквалификации инстанций, предоставляющих знания (так называемых эпистемических авторитетов).

С учётом неоднозначности проблемы (иррациональность конспирологических идей при их нарастающей востребованности) в академической среде иногда звучат призывы к «исследовательскому партикуляризму» – установке, исключающей оценку теорий заговора только на основании их принадлежности к классу (конспирологических): партикуляристы расходятся во мнениях относительно деталей, но они согласны с тем, что каждую теорию заговора следует рассматривать по существу и не отвергать сразу [51, р. 25]. Дополнительное значение приобретает и тематическая направленность конкретной теории. В частности, сфера безопасности (особенно военно-политической) по определению в значительной мере основана на сокрытии информации, что лишь усложняет её социальное осмысление на сугубо рациональных началах, тем более в период социально-экономической, политической и геополитической турбулентности.

Данные соображения повышают актуальность углубленного изучения конспирологического тренда в общественном сознании, а также рассмотрения проблемы создания единой стандартизированной системы критериев для оценки различных построений, включающих элементы теории заговора [14].

Теории заговора как форма социального познания

Как отмечалось выше, рассмотрение теорий заговора в контексте научного дискурса неизбежно приводит к выводам об их заведомо «дефективном» характере, к их сравнению с «плохой наукой», где теоретик заговора – «плохой учёный», основывающий свои результаты на «интерпретативной логике религии» [28, р. 468].

Подобный, уже ставший традиционным, подход едва ли способен в полной мере пролить свет на востребованность конспирологических концепций, их неожиданную для многих конкурентную силу и достаточный для их сторонников объяснительный потенциал.

Несколько более широкие возможности даёт трактовка конспирологии не как «недо-», «псевдо-», лженауки и т. п., а как определённой системы социальных представлений, так называемых «интуитивных теорий», своеобразных обыденных социальных доктрин (*folk theories*), не обладающих ключевыми признаками научных концепций, но включающих другие элементы, характерные для любых теоретических построений: онтологические обязательства, каузальные законы, механизмы сопротивления контрдоказательствам, ненаблюдаемые конструкторы [26].

«Онтологический минимум» теоретика заговора

В самом общем виде можно отметить несколько базовых позиций, объединяющих конспирологические теории разного происхождения и содержания.

1. Наличие группы (групп), члены которой находятся в постоянном контакте и координируют свои усилия. Группа монолитна применительно к какой-либо сфере, несмотря на возможные расхождения по другим вопросам.

2. Намерения группы, её цели (желаемый результат) противоречат общему благу (для чего и нужен сговор) и могут быть интерпретированы как зло [11, р. 3].

3. Группа обладает достаточными ресурсами для влияния на ход событий и играет в нём *определяющую роль*, ей присущи черты сверхрациональности (например, в виде способности планировать, учитывать и контролировать недоступные иным переменные) [9, р. 51–53].

4. Группа влияет на ход событий скрытно и, более того, тратит специальные усилия на поддержание секретности и избежание публичного осознания её влияния (либо даже самого её существования), а если такое осознание появляется – борется с ним [46].

5. Действия по реализации группой своих намерений как непосредственно в отношении общества, так и в рамках борьбы с аналогичными коалициями являются одним из важных драйверов социальных процессов различной природы и уровня (исторических, политических, во-

енных, экономических и т. п.). В силу специфики интересов «заговорщиков» это может наносить (не)преднамеренный урон обществу и должно расцениваться как угроза [46], [9, р. 51–53]¹. А с учётом осознанности тайными группами интересов речь идёт об их ответственности за происходящее зло [21, р. 273].

6. Среди немногих способов противостояния заговорам – их «опубличивание», что, вероятно, по логике сторонников теорий заговора, лишает группу возможности действовать полноценно (так как весь смысл в секретности). Однако попытки раскрыть заговор провоцируют стремление секретность восстановить, в том числе путём агрессии в отношении тех, кто выводит заговорщиков «на чистую воду» (дискредитация личности, обесценивание аргументов и т. п., с использованием широчайшего спектра средств).

Вероятно, в силу указанных особенностей конспирологических теорий, попытки построить их классификации затруднены для исследователей. Наиболее часто можно встретить иерархические таксономии, в основу которых положен критерий масштаба постулируемого заговора (например, событийные, системные, «суперзаговоры» (*superconspiracies*) [11, р. 6]).

По этой же причине систематизации, основанные на специфике субъекта («кто заговорщик?»), на наш взгляд, научной нагрузки не несут, так как являются производными от описанного «онтологического минимума» и выступают скорее прерогативой теоретиков заговора. Последние применяют единую концептуальную форму в различных контекстах, идентифицируют группы ситуативно, маркируют их, либо их действия как «тайные»², «наполняют» группы любыми субъектами, приписывают им намерения и ответственность за результат (причём нередко ретроспективно, «задним числом», отталкиваясь именно от результата). Более того, конспирологические схемы возможны вообще без идентификации «заговорщиков» («кому-то выгодно», «они» и проч.), что способствует мистификации нарратива и парадоксально может увеличить его убедительную силу.

Онтология и ненаблюдаемое

Важным условием рассматриваемого типа теоретизирования является своеобразная процедура снятия вероятностного характера конспирологических построений³: реальные, потенциальные и никогда не

¹ В любом случае намеренными являются действия группы. Наносимый обществу ущерб может быть не самоцелью, а «сопутствующим» вредом.

² Что вовсе не обязует их использовать понятия «заговор», «тайна» и проч., в этом смысле конспирологический словарь вторичен в отношении самой схемы. Более того, весьма вероятны дискуссии между сторонниками различных теорий по поводу их истинности, т. к. и «таинственность» самих групп, и секретный характер некоторых действий известных групп по определению изначально скрыты от всех, в том числе принципиальных сторонников теорий заговора. При неизменности формы («онтологического минимума») глоссарий может отличаться принципиально.

³ Не случайно речь идёт именно о теориях, а не гипотезах заговора.

происходившие события объединяются в единую «ментальную симуляцию» и наделяются равным статусом (как будто все они произошли на самом деле) [46]. Тем самым теоретические (а в сущности, гипотетические) конструкты получают дополнительную «бытийную» нагрузку. Подобная процедура носит, вероятно, принципиальный характер, поскольку, во-первых, сами по себе теории заговора часто возникают как объяснения событий, которые обычно связаны с неопределённостью (и смысл их – в устранении таковой) [25, р. 4], а во-вторых, в их основе по определению лежит фундаментальный дуализм между секретностью и прозрачностью [24].

Прагматика теоретика заговора состоит именно в том, чтобы секретное сделать явным, описав «истинное положение дел» (т. е. исполнив взятые на себя онтологические обязательства). Не случайно в арсенале рассматриваемого класса концепций преобладают:

1. Диспозициональные объяснения в духе холистических философских доктрин [4, с. 122–130], [1] (с нашей оговоркой об уровне интеллектуальной культуры), в ходе которых гипотетичность суждений снижается логической стройностью и согласованностью с другими компонентами теории, а не строгой процедурой фактчекинга¹. Нередко это приводит к идее вторичности фактических данных² и специфической познавательной установке, которую К. Кассам назвал «эпистемической беззаботностью» (epistemic insouciance), означающей небрежность в обращении с данными, тенденцию рассматривать сложные вопросы как простые (в том числе игнорирование корреляционных и иных вероятностных связей. – В.С.), «отсутствие беспокойства по поводу того, что показывают доказательства» [15, р. 2, 6], и ограничение числа (релевантных) источников информации [53, р. 204]³.

2. Перекос в сторону диспозициональной атрибуции причин (в противовес ситуационной) [17, р. 144], благодаря чему объяснение становится более «правдоподобным» и доступным любому индивиду (для которого чьи-то злые намерения понятны, а «тенденции», «стечения обстоятельств» и др. неодушевленные процессы дискомфортны).

3. Соотнесённость конкретных построений со структурами знаний более высокого порядка. Ряд исследований, стремящихся объяснить своеобразную глобальность и «инвазивность» конспирологических установок («если возможен один заговор, то возможны все заговоры») [54], в том числе их парадоксальность («заговоры существуют одновременно, даже если логически исключают друг друга»), указывали на подчиненность ситуативных построений убеждениям более высокого порядка [21, р. 266]. Соответственно, периферийные суждения должны в большей степени со-

¹ С учётом особенностей познавательных приоритетов теорий заговора (об этом ниже) вольное обращение с фактами не является существенной проблемой.

² Что в корне отличает конспирологию от научного познания.

³ Что может вызывать вопросы у стороннего наблюдателя («почему только эти источники?») и в ряде случаев заставляет теоретика заговора производить объяснения событий, выглядящие весьма экзотично.

гласовываться не друг с другом, а с центральными убеждениями (так называемые «general conspiracy believes» [14, р. 2]). Последние содержательно могут быть близки к описанному онтологическому минимуму (например, совпадать с одним из его элементов – о сокрытии намерений, о враждебности конкретной группы и т. п.) и нередко приниматься на веру.

Критика конкретной заговорщической идеи запускает, по сути, рекурсивный самореферентный защитный процесс: под бременем контраргументов крах периферийной концепции («правительство стоит за событием Х») отсылает мышление конспиролога к обобщённым идеям («правительство скрывает *любые* враждебные действия, выгодные ему»), которые «активируют распаковку» всех элементов конспирологической онтологии. Причём за каждым из указанных элементов стоит своя аргументация, которая притягивается в текущий контекст (от примеров других «тайных» действий госструктур до «здорового смысла» и (псевдо)логических цепочек). В любом случае теория заговора – удобная для понимания схема, останавливающая дальнейшую рефлексия проблемы.

Стратегии доказательств и контрдоказательств в теориях заговора тесно увязаны друг с другом и воплощены в двух коммуникативных жанрах: повествование, рассказывание историй (storytelling) и оппонирование (argumentation) [10, р. 207–208].

Первый из них, как правило, представлен сценарными «мелодраматическими повествованиями»¹ в формате «манихейского нарратива» [38, р. 954] (дуализм добра и зла, героизация и демонизация и т. п.). Доступность изложения для восприятия, запоминания и транслирования имеет приоритет над строгостью работы с данными [39, р. 68].

В целом в основе доказательной стратегии теоретика заговора лежит примерно следующая установка: *«истина кроется не в фактах, а в мотивах тех, кто их предоставляет»*, что определяет ключевые особенности второго жанра²:

- смещение акцента с обоснования своей позиции на опровержение логики оппонентов (вера в свои убеждения не столь важна, как неверие в чужие) [59, р. 4];

- использование широкого спектра «неконвенциональных» аргументативных средств (логические ошибки, сдвиг в бремени доказательств и проч.) [10, р. 208] и так называемых мотивированных рассуждений (основанных на предвзятости подтверждения и предвзятости опровержения) [12, р. 4];

- встраивание контраргументации оппонентов в собственную концепцию [39, р. 68–69], использование противоречащих заговору фактов в качестве подтверждения заговора: в стиле «чем больше доказа-

¹ Синописис которых основан на онтологическом минимуме, а детализация – дело теоретика заговора.

² Важно не просто разобрать факт, а понять мотивацию предоставившего. Если мы подозреваем его в попытке манипулировать нами и скрывать правду, не так важно соблюдать строгие критерии фактчекинга, как выявить моменты, в которых оппонент «проболтался».

тельств, собранных властями в пользу их теории, тем больше сторонник теории заговора указывает на то, насколько сильно «они» должны желать, чтобы мы поверили официальной версии»¹ [32, р. 120];

– вторичность задачи фактологического обоснования теории. В соотношении четырёх возможных состояний («заговор есть», «заговора нет», «заговор выявлен», «заговор не выявлен») [45, р. 6] конспирологические тенденции возможны в двух случаях:

– *заговор есть и его выявляют*. В таком случае речь идёт о так называемых обоснованных теориях заговора, другой вопрос, как именно они стали обоснованными – гипотеза стала теорией в процессе рационального обоснования или теоретик «попал пальцем в небо». Отдельные исследователи предпочитают в подобной ситуации либо вообще исключить термин «теория заговора», либо существенно снизить скепсис в её отношении [53, р. 205; 20];

– *заговора нет, но его выявили* – конспирология в чистом виде (или так называемые необоснованные теории заговора [32]). В более мягкой версии конспирологическое объяснение событий создается на основе неверной идентификации группы (в случае, если события по определению связаны с человеческой активностью), в более вульгарной – на персонификации процессов.

Психологическое содержание теории заговора

Исследователи констатируют, что конспирология как форма мышления выходит за рамки частных случаев и не может объясняться исключительно с помощью персональных особенностей отдельных носителей [36, р. 12]. Это позволяет трактовать её скорее как способ социального познания. Выделяется группа психологических механизмов, специфика действия которых и определяет своеобразие конспирологического мышления: восприятие паттернов, выявление агентности (agency detection), управление угрозами (threat management) на основании обнаружения альянсов (alliance detection) [45] с последующими моделями реакции на угрозу [43].

Особенности функционирования указанных механизмов позволяют утверждать, что в основе конспирологической рефлексии лежат:

– значительное число когнитивных ошибок, основанных на *выведении неслучайных последовательностей из случайных событий*, обнаружении значимых закономерностей в хаотических или случайно сгенерированных стимулах [58; 43; 23, р. 539]. Тем самым в целом функциональный когнитивный процесс (поиска стимульных закономерностей) на основе здоровой мотивации (разобраться в окружающем мире) [40, р. 758] приводит к накоплению иррациональных убеждений;

¹ Примечательно, что «они» могут использовать и обратную стратегию – культивирование нашего невежества [37, р. 101].

– *сниженный порог выявления агентности* – склонность к приписыванию агентности и интенциональности там, где её нет или она вряд ли будет существовать (когнитивное искажение «hypersensitive agency detection») [22], что в связке с предыдущим механизмом приводит к убеждённости в преднамеренности и запланированном характере определённого исхода событий [45, р. 6]¹;

– *идентификация угроз на основе описанного способа рефлексии персонального и культурного эмоционального опыта*. Исследователи отмечают наличие статистически значимых связей конспирологического мышления со спектром негативных эмоциональных состояний (тревога, бессилие и т. д.) и социальных проблем (снижение вовлечённости, нарастание изоляции и т. п.), опосредованных в том числе амбивалентностью происходящего [56; 21; 29, р. 1671; 42]². Теории заговора выступают в таком случае удобным шаблоном смыслообразования, играя важную роль в конструировании опасности определённой тенденции или события (прежде всего – экзистенциальных угроз [46]), в связывании их с историческими травмами и пугающими сценариями будущего [34, р. 44]. Причём в ряде случаев определяющее значение имеет именно эмоциональная притягательность конспирологического нарратива, особенно если речь идёт о построении теории заговора в «бытовом», психологически более безопасном смысле (теория как то, что не имеет прямого отношения к практике), способном в том числе развлекать [44, р. 3]³;

– *центральное значение контроля*. Описан ряд вариантов компенсационной связи конспирологического мышления и субъективного контроля: восполнение дефицита контроля перцептивными средствами в стрессовых условиях (иллюзорные паттерны восприятия снижают хаотичность среды) [58; 52, р. 446]; получение возможности отклонить неприемлемые нарративы на основе весомой альтернативы (есть выбор – есть контроль) [23, р. 539]; снижение неопределённости (и, соответственно, рост контроля) и, как следствие, снижение «поисковой» активности в ситуации [40, р. 754]⁴ и др.;

¹ В качестве материала для эмпирической проверки можно предложить идею о наличии связи между степенью «известности» тайной группы («существует» давно или только «появилась») и спецификой приписываемых ей характеристик. Подобное исследование сверхъестественных агентов дает любопытные результаты (например, уже известные агенты «психологически» более сложны) [55].

² В приведённом выше примере о наличии общих конспирологических убеждений курсивом можно выделить иную часть высказывания, чем подчеркнуть приоритет эмоциональных оценок в конспирологических построениях («правительство скрывает любые враждебные действия, выгодные ему»).

³ Развлекательный потенциал, в основе которого лежит загадочность («кто за этим стоит?»), саспенс и мистификации, присущ многим культурным средствам (литература, публицистика, кинематограф, видеоигры, многочисленные социальные практики и т. д.).

⁴ Что любопытно, с попутным снижением веры в сверхъестественное, согласно результатам данного исследования. Хотя вопрос о том, снижают ли конспирологические убеждения контроль или возвращают его, нуждается в дальнейшем изучении.

– *выявление враждебных альянсов*. Персонификация угроз является одним из способов преодоления неопределённости и субъективного избегания того, что исследователи называют «диффузными угрозами», которые невозможно полностью предвидеть или контролировать [52, р. 446]. С точки зрения управления угрозами, исходящими от враждебных альянсов, цена ошибки первого типа (заговора нет, но индивид его выявляет) будет ниже, чем стоимость ошибки второго типа (заговор есть, но индивид его не видит). Ошибочное принятие случайных событий за неслучайные может привести к неоптимальному поведению [60, р. 1358], вариантом чего является оперирование теориями заговора¹, в случае же ошибки второго рода речь идёт уже о вероятных трагических последствиях (если все же заговор был, к враждебным действиям никто не готов) [45, р. 6]. Данная процедура выполняет функцию адаптивного психического механизма защиты от социальных угроз, зачастую ведущего к переоцениванию вероятности того, что другие люди образуют враждебные коалиции² [44, р. 2], которые важно вовремя выявить и принять меры [42, р. 327]. Однако исследования показывают, что для этого необходимо соблюдение ряда условий, прежде всего наличие реально ощущаемой угрозы [35]. В любом случае важно помнить, что в основном (социально-психологические) исследования проблемы теории заговоров – корреляционные [21, р. 288].

Теории заговора как критические теории (с «урезанным функционалом»)

В связи с вышесказанным особый интерес представляет замечание Анники Рабо о том, современные теории заговора имеют «общую повествовательную структуру с большей частью гуманитарных наук» [47, р. 90]. На наш взгляд, это замечание справедливо в отношении содержания поп-версий многих гуманитарных дисциплин, в т. ч. критических социальных теорий (Хоркхаймер, Маркузе и др.), рискующих при определённых условиях «впасть в параноидальную социологию» [28].

Способами объяснения такой ситуации могут быть:

– во-первых, отсылка к так называемой «двойной герменевтике» (Э. Гидденс), свойственной социальным наукам («Находки» («findings») социальных наук очень часто конститутивно входят в описываемый ими мир» [27, р. 20], например, представления людей об их действиях – часть

¹ Описано множество иных форм неоптимального (неадаптивного) поведения, основанного на ошибках в оценке вероятностей, в том числе азартные игры и др. [60, р. 1358].

² Так называемая «гипотеза адаптивного заговора», согласно которой конспирологическое мышление – это адаптивная эволюционная особенность человеческого «коалиционного разума» с функционалом а) для предупреждения своих о возможности того, что другие создают опасные коалиции против них, и б) стимулирования соответствующих действий по отражению таких угроз [45, р. 2].

того, чем эти действия являются [27, р. 18], и т. д.), благодаря которой границы между обыденными и специальными знаниями об обществе размыты гораздо сильнее, чем в случае естественных наук;

– во-вторых, совпадение направленности мотивов теоретиков заговора (критика и «выведение на чистую воду») и представителей критической традиции в социальной философии, социальной теории и интеллектуальной мысли в целом¹:

- они схожи своими *познавательными предпосылками*. Идея М. Хоркхаймера о том, что в критической теории «реальные ситуации, являющиеся исходным пунктом науки, не рассматриваются просто как данные, подлежащие проверке и предсказанию по законам вероятности...», поскольку «...зависят не только от природы, но и от власти над ней человека...» [30, р. 244], резонирует с имеющимися у конспирологов указаниями, о власти каких именно людей идёт речь;
- они отчасти схожи своей *прагматикой*: «критическую» теорию можно отличить от «традиционной» теории по конкретной практической цели: теория критична в той мере, в какой она стремится к «освобождению человека от рабства», выступает как «освобождающее... влияние» и работает «для создания мира, который удовлетворяет потребности и возможности» людей [30, р. 246]. Точно так же, как в критических теориях, конспирологические концепции исходят из рефлексивной стратегии, в основе которой лежит парадокс: установка «общество есть то, что оно не есть» [2, с. 223] в версии «все не так, как кажется» [25, р. 2] означает, что «правильное», справедливое социальное устройство отсутствует или подвергается угрозе здесь и сейчас².

Однако такое совпадение не является полным. Дж. Боман отмечает, что по логике М. Хоркхаймера критическая теория адекватна только в том случае, если она отвечает трём критериям: она должна быть одновременно объяснительной («что не так с миром?»), практической («кто может это изменить?») и нормативной («как изменить?») [13].

Теории заговора «хороши» в объяснении и критике, вплоть до «нигилистической степени скептицизма»³ [48, р. 61], но в сфере управления социальной активностью чаще носят своего рода пассивно-агрес-

¹ Несложно проследить определённую степень созвучия конспирологических идей со всей критической традицией (в широком смысле) – от марксистских до постмодернистских построений.

² Тайные группы – или симптом неправильного устройства системы, или причина такового.

³ Который одновременно является и слабым местом теорий заговора, и признаком их маргинальности: «избыточный» скептицизм вынуждает теоретика заговора в ответ на любые контраргументы включать в заговор все новые группы и сферы социальной жизни (вплоть до абсурда).

сивный, а не конструктивный характер: «выявление» локальных заговоров чаще провоцирует избегание или ситуативную защитную агрессию, а если заговор глобален – пассивность и фатализм (и, как следствие, например, снижение политической активности респондентов [21, р. 260]). Причём в ответе на вопрос об агентах нужных социальных преобразований многие конспирологи также не преуспевают.

Одно из объяснений указанного несовпадения ряду исследователей видится в том, что критическая направленность конспирологического мышления может не столько предшествовать делегитимизации социальных институтов, сколько *быть её следствием*¹. Иными словами, люди могут не столько критиковать с намерением изменить, сколько *защищать устоявшийся социальный порядок*, перекладывая вину за проблемы общества с неотъемлемых черт социальных систем на деятельность неких небольших групп людей [31, р. 5].

«Урезанный функционал» конспирологии² связан ещё и с тем, что большинство теоретиков заговора, по-видимому, считают излишним (либо неспособны) выдерживать интеллектуальный уровень и предметную направленность критической теории, с большей охотой интегрируя свои доктрины в существовавшие ранее космологии и системы убеждений, соединяя современную социально-политическую критику «с уже имеющимися пророчествами и верованиями» [24]. Благодаря этому в ряде случаев глобальные конспирологические построения становятся органичной частью идеологических и геополитических доктрин (и являются в том числе руководством к действию)³.

Конспирологическое мышление как социальный механизм

Исследованиями установлена значительная роль конспирологических убеждений как фактора социальной интеграции и дифференциации, в том числе на данные процессы влияют:

– склонность к поддержке индивидом конспирологических идей в случае наличия у него веры в то, что другие члены его группы также поддерживают набор убеждений о заговоре [46]. Причём нередко люди переоценивают степень веры в заговор среди членов своих групп [18], что, вероятно, также связано с проективной природой подобных социальных суждений («на месте заговорщиков я бы сделал так же») [59, р. 2];

¹ Теория заговора – реакция на кризис социальных институтов, а не фактор, кризис вызывающий. На наш взгляд, в данном вопросе справедливы оба подхода (теория заговора – и симптом кризиса, и причина его продолжения).

² В противовес к вполне принимаемой академической и интеллектуальной средой «полноценной» критической теории.

³ Данный тезис заслуживает отдельного рассмотрения.

– склонность к поддержке конспирологических идей в отношении аутгрупп в случае сильной идентификации индивида со своей группой и в условиях конфликта с другими сообществами (защитная идентификация) [33, р. 6], [18]. Кроме того, возложение ответственности на других за негативные события помогает поддерживать позитивный образ своей группы как подвергаемой преследованиям (за свои хорошие качества) могущественными и беспринципными другими (так называемый коллективный нарциссизм) [23, р. 540];

– склонность индивида более некритично принимать конспирологические объяснения негативных событий в жизни других групп в случае, если: а) эти события *сейчас* напрямую не влияют на жизнь самого индивида и его сообщества (происходят где-то и с кем-то другим), но б) индивид, представив себя на месте члена такой группы, может посчитать, что однажды такое может произойти и с ним (феномен так называемый *perspective taking*¹) [41].

Неконвенциональность

Как было показано, в основе конспирологического мышления лежит тотальное недоверие к эпистемическим авторитетам, т. е. постановка под сомнение различных институтов, созданных для сбора надежных данных и доказательств [17, р. 139], неприятие «мейнстримных нарративов» [49, р. 2]. Простое принятие информации от подобных инстанций заменяется скрупулезным поиском несоответствий, слабых мест, отсылок к «истинному» значению событий (как способом не дать себя запутать) [34, р. 45–46]; [39, р. 70]. Разумеется, для подобной позиции нередко имеются основания [3; 5, с. 95, 101; 25], однако, как отмечалось, отличительной чертой указанного класса теорий является их «ненасыщаемая» критическая направленность, смещение акцента с сопоставления фактов и теоретических положений на выявление скрытых мотивов инстанций, факты предоставляющих.

В силу этого теории заговора в большинстве случаев а) неофициальны (не имеют институциональной аккредитации) [19, р. 3]; б) неконвенциональны [5]; т. е. выраженно альтернативны и зачастую враждебны «официальным» нарративам; в) имеют протестный (критический, оборонительный) характер в отношении практик принуждения, установленных в обществе (в том числе способствуя интеграции своих сторонников на этой основе по идейному признаку) [7, с. 179]. Не случайно анализ западного материала показывает некоторую связь между склонностью принимать теории заговора и принадлежностью к крайним значениям политического спектра с незначительным перевесом в пользу консервативных убеждений [57].

¹ Т. е. способности понимать, как другой человек воспринимает некую ситуацию, когнитивно и эмоционально реагирует на неё.

В этом смысле теории заговора могут защищать индивида от социальной дисквалификации, если с позиций эпистемических авторитетов он неправ (опасен, преступен), и т. п. Причём драйвером «антизаговорщической» социальной активности, в том числе политической (а борьба с принуждением, а также защита от экзистенциальных угроз неизбежно приобретает политическую окраску), зачастую выступают так называемые «партизанская мотивация» – критические «преднастройки» восприятия, которые определяют нужные интерпретации «официальной» информации, перевешивая доказательный потенциал предъявляемых данных (об этом [25]), и «партизанская аргументация» (*partisan motivated reasoning*) – систематическое искажение реальности, чтобы она соответствовала предубеждениям [16, p. 599].

К выводам

В заключение стоит ещё раз сконцентрировать внимание на нескольких ключевых особенностях рассматриваемого класса концепций.

1. Теории заговора – один из распространённых и доступных способов социального познания, содержащий инструменты объяснения явлений и ситуаций.

2. Драйвером конспирологического теоретизирования является определённое соотношение характеристик социальной среды и её эмоциональной оценки индивидом. Предрасполагающим фактором здесь выступает кризисное состояние общественных институтов или негативные жизненные обстоятельства человека. Теория заговора в таком случае является удобным и доступным, не требующим специализированных компетенций инструментом, позволяющим дать правдоподобные и при этом, что нередко важнее, быстрые объяснения, достаточные для выбора дальнейшей стратегии поведения. Данное обстоятельство определяет конкурентные преимущества подобного способа социального познания.

3. В основе конспирологических построений лежит определённый спектр принимаемых на веру убеждений («онтологический минимум»), сформированных в ходе специфической «работы» ряда психологических механизмов (выявление паттернов, агентности, управление угрозами, выявление альянсов). При этом конспирологическая схема может либо лежать в основе ключевых убеждений индивида («мир устроен так, что существует заговор X»), либо включаться в них как необходимая субтеория («Есть некое истинное положение вещей, но, чтобы его скрыть, существует заговор X»).

4. Со значительной степенью вероятности система конспирологических взглядов имеет вертикальную структуру – построения, объясняющие отдельные ситуации и явления, фундированы в общих конспирологических убеждениях и в ходе (контр)аргументации должны в большей

степени согласовываться именно с последними. При этом вопрос о том, как связаны «ненасыщаемый» скептицизм и общие конспирологические убеждения, во многом остаётся открытым.

5. Теория заговора – это набор суждений не столько о фактах, сколько о мотивах инстанций, данные факты предоставляющих. В этом смысле оценке фактологических данных предшествует выявление мотивов тех, кто эти данные презентует. Нередко убеждённость (подозрение) в «нечистоплотности» и скрытых мотивах эпистемических авторитетов выступает в качестве преднастроек конспирологического мышления, что препятствует рациональной оценке информации как таковой («нет смысла вникать в информацию от заведомо склонных ко лжи людей или институтов»).

6. Соответственно, теория заговора обладает особой прагматикой (сближающей её с рядом других социальных теорий), в основе которой – прежде всего необходимость противостояния практикам принуждения со стороны «нелегитимных» в силу склонности к тайным действиям социальных институтов (предоставление информации и требований последними и есть способ принуждения).

Библиографический список

1. Гутнер Г. Б. Диспозиция // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон +, Реабилитация, 2009. С. 205–206.
2. Луман Н. Самоописания / Пер. с нем.; под ред. О. Никифорова, А. Антоновского. М.: Логос Гнозис, 2009. 320 с.
3. Первушин Н. С. «Двойные послания» (double bind) в российских медиа в период эпидемии COVID-19 // Reflexio. 2020. Т. 13. № 2. С. 44–65. DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65
4. Райл Г. Понятие сознания / Пер. с англ. и общ. ред. В. П. Филатова. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
5. Хохлов А. А. Конспирологические теории как феномен медиавоздействия на общественное сознание // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 2(21). С. 94–102. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-94-102
6. Шнирельман В. А. Конспирология и оккультные силы // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 220–240.
7. Яблоков И. А. Теории заговора в современных политических идеологиях России и США: насколько маргинален язык конспирологии? // Политическая наука. 2013. № 4. С. 175–191.
8. Aupers S. “Trust no one”: Modernization paranoia and conspiracy culture // European Journal of Communication. 2012. Vol. 27(1). P. 22–34. DOI: 10.1177/0267323111433566

9. Bale J. M. Political paranoia vs political realism: on distinguishing between bogus conspiracy theories and genuine conspiratorial politics // *Patterns of prejudice*. 2007. Vol. 41 (1). P. 45–60. DOI: 10.1080/00313220601118751
10. Bangerter A., Wagner-Egger P., Delouvée S. How conspiracy theories spread // *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis, 2020. P. 206–218.
11. Barkun M. *A Culture of conspiracy: apocalyptic visions in contemporary America*. 2nd ed. University of California Press, 2013. 306 p.
12. Berman D. S., Stoddard J. D. “It’s a Growing and Serious Problem”: Teaching 9/11 to combat and conspiracy theories // *The Social Studies*. 2021. Vol. 112. No. 6. P. 298–309. DOI: 10.1080/00377996.2021.1929054
13. Bohman J. Critical Theory // *The Stanford encyclopedia of philosophy* (Spring 2021 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/critical-theory/> (дата обращения: 12.03.2022).
14. Brotherton R., French C. C., Pickering A. D. Measuring belief in conspiracy theories: the generic conspiracist beliefs scale // *Frontiers in Psychology*. 2013. Vol. 4. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00279
15. Cassam Q. Epistemic insouciance // *Journal of Philosophical Research*. 2018. Vol. 43. P. 1–20. DOI: 10.5840/jpr2018828131
16. Charles G.-U. E. Motivated reasoning post-truth and election law. 2020. URL: <https://scholarship.law.slu.edu/lj/vol64/iss4/5> (дата обращения: 10.03.2022).
17. Clarke S. Conspiracy theories and conspiracy theorizing // *Philosophy of the Social Sciences*. 2002. Vol. 32(2). P. 131–150. DOI: 10.1177/004931032002001
18. Cookson D., Jolley D., Dempsey R., Povey R. “If they believe then so shall I”: perceived beliefs of the in-group predict conspiracy theory belief // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2021. Vol. 24(5). P. 759–782. DOI: 10.1177/1368430221993907
19. Dentith M. R. X. Expertise and conspiracy theories // *Social Epistemology*. 2018. Vol. 32(3). P. 196–208. DOI: 10.1080/02691728.2018.1440021
20. Dentith M. R. X. When inferring to a conspiracy might be the best explanation // *Social Epistemology*. 2016. Vol. 30(5-6). P. 572–591. DOI: 10.1080/02691728.2016.1172362
21. Douglas K. M., Sutton R. M. Why conspiracy theories matter: A social psychological analysis // *European Review of Social Psychology*. 2018. Vol. 29(1). P. 256–298. DOI: 10.1080/10463283.2018.1537428
22. Douglas K. M., Sutton R. M., Callan M. J., Dawtry R. J., Harvey A. J. Someone is pulling the strings: hypersensitive agency detection and belief in conspiracy theories // *Thinking and Reasoning*. 2015. Vol. 22(1). P. 57–77. DOI: 10.1080/13546783.2015.1051586

23. Douglas K. M., Sutton R. M., Cichocka A. The psychology of conspiracy theories // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26(6). P. 538–542. DOI: 10.1177/0963721417718261
24. Drażkiewicz E., Rabo A. Conspiracy theories // *The international encyclopedia of anthropology*. 2021. P. 1–4. DOI: 10.1002/9781118924396.wbiea1993
25. Enders A. M., Smallpage S. M. Informational cues partisan – motivated reasoning and the manipulation of conspiracy beliefs // *Political Communication*. 2018. Vol. 36(1). P. 1–20. DOI: 10.1080/10584609.2018.1493006
26. Gelman S. A., Legare C. H. Concepts and folk theories // *Annual Review of Anthropology*. 2011. Vol. 40(1). P. 379–398. DOI: 10.1146/annurev-anthro-081309-145822
27. Giddens A. *Social theory and modern sociology*. Cambridge: Polity Press, 1999. 310 p.
28. Harambam J., Aupers S. Contesting epistemic authority: Conspiracy theories on the boundaries of science // *Public Understanding of Science*. 2014. Vol. 24(4). P. 466–480. DOI: 10.1177/0963662514559891
29. van Harreveld F., Rutjens B. T., Schneider I. K., Nohlen H. U., Keskinis K. In doubt and disorderly: Ambivalence promotes compensatory perceptions of order // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2014. Vol. 143(4). P. 1666–1676. DOI: 10.1037/a0036099
30. Horkheimer M. *Critical theory: selected essays*. New York: Seabury Press, 1972; reprinted New York: Continuum, 2002.
31. Jolley D., Douglas K. M., Sutton R. M. Blaming a few bad apples to save a threatened barrel: the system-justifying function of conspiracy theories // *Political Psychology*. 2017. Vol. 39(2). P. 465–478. DOI: 10.1111/pops.12404
32. Keeley B. L. Of conspiracy theories // *The Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 96(3). P. 109–126. DOI: 10.2307/2564659
33. Leman P. J., Cinnirella M. Beliefs in conspiracy theories and the need for cognitive closure // *Frontiers in Psychology*. 2013. Vol. 4. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00378
34. Leone M., Madisson M.-L., Ventsel A. Semiotic approaches to conspiracy theories // *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis. 2020. P. 43–55.
35. Maij D. L. R., van Schie H. T., van Elk M. The boundary conditions of the hypersensitive agency detection device: an empirical investigation of agency detection in threatening situations // *Religion Brain and Behavior*. 2017. P. 1–29. DOI: 10.1080/2153599x.2017.1362662
36. Muirhead R., Rosenblum N. L. Speaking truth to conspiracy: partisanship and trust // *Critical Review*. 2016. Vol. 28(1). P. 63–88. DOI: 10.1080/08913811.2016.1173981

37. Nefes T. S., Romero-Reche A. Sociology social theory and conspiracy theory // *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis. 2020. P. 94–107.
38. Oliver J. E., Wood T. J. Conspiracy theories and the paranoid style(s) of mass opinion // *American Journal of Political Science*. 2014. Vol. 58(4). P. 952–966. DOI: 10.1111/ajps.12084
39. Pelkmans M., Machold R. Conspiracy theories and their truth trajectories // *Focaal*. 2011. Vol. 59. P. 66–80. DOI: 10.3167/fcl.2011.590105
40. Prooijen J.-W. van, Acker M. The influence of control on belief in conspiracy theories: conceptual and applied extensions // *Applied Cognitive Psychology*. 2015. Vol. 29. P. 753–761. DOI: 10.1002/acp.3161
41. van Prooijen J.-W., van Dijk E. When consequence size predicts belief in conspiracy theories: the moderating role of perspective taking // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2014. Vol. 55. P. 63–73. DOI: 10.1016/j.jesp.2014.06.006
42. van Prooijen J.-W., Douglas K. M. Conspiracy theories as part of history: the role of societal crisis situations // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10(3). P. 323–333. DOI: 10.1177/1750698017701615
43. van Prooijen J.-W., Douglas K. M., De Inocencio C. Connecting the dots: illusory pattern perception predicts belief in conspiracies and the supernatural // *European Journal of Social Psychology*. 2017. Vol. 48(3). P. 320–335. DOI: 10.1002/ejsp.2331
44. van Prooijen J. W., Ligthart J., Rosema S., Xu Y. The entertainment value of conspiracy theories // *British Journal of Psychology*. 2021. Vol. 113(1). P. 1–24. DOI: 10.1111/bjop.12522
45. van Prooijen J.-W., Vugt M. van. Conspiracy theories: evolved functions and psychological mechanisms // *Perspectives on Psychological Science*. 2018. Vol. 13(6). P. 770–788. DOI: 10.1177/1745691618774270
46. van Prooijen J.-W. Injustice without evidence: the unique role of conspiracy theories in social justice research // *Social Justice Research*. 2021. Vol. 35(1). P. 88–106. DOI: 10.1007/s11211-021-00376-x
47. Rabo A. Conspiracy theory as occult cosmology in anthropology // *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis. 2020. P. 81–93.
48. Räikkä J. On the Epistemic Acceptability of Conspiracy Theories // *Social Justice in Practice*. 2014. P. 61–75. DOI: 10.1007/978-3-319-04633-4_5
49. Rousis G. J., Richard F. D., Wang D.-Y. D. The truth is out there: the prevalence of conspiracy theory use by radical violent extremist organizations // *Terrorism and Political Violence*. 2020. P. 1–19. DOI: 10.1080/09546553.2020.1835654

50. Stehl T., van Prooijen J.-W. Epistemic rationality: skepticism toward unfounded beliefs requires sufficient cognitive ability and motivation to be rational // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 122. P. 155–163. DOI: 10.1016/j.paid.2017.10.026
51. Stokes P. Conspiracy theory and the perils of pure particularism // *Taking Conspiracy Theories Seriously*. Ed. by M. R. X. Dentith. Rowman & Littlefield International Ltd, 2018. P. 25–38.
52. Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. An existential function of enemyship: evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98(3). P. 434–449. DOI: 10.1037/a0017457
53. Sunstein C. R., Vermeule A. Conspiracy theories: causes and cures // *Journal of Political Philosophy*. 2009. Vol. 17(2). P. 202–227. DOI: 10.1111/j.1467-9760.2008.00325.x
54. Swami V., Barron D., Weis L., Voracek M., Stieger S., Furnham A. An examination of the factorial and convergent validity of four measures of conspiracist ideation with recommendations for researchers // *PLOS ONE*. 2017. Vol. 12(2). P. e0172617. DOI: 10.1371/journal.pone.0172617
55. Swan T., Halberstadt J. The Mickey Mouse problem: distinguishing religious and fictional counterintuitive agents // *PLOS ONE*. 2019. Vol. 14(8). P. e0220886. DOI: 10.1371/journal.pone.0220886
56. Swan T., Halberstadt J. Anxiety enhances recall of supernatural agents // *The international journal for the psychology of religion*. 2021. P. 1–17. DOI: 10.1080/10508619.2021.1898808
57. Thyrisdyttir H., Mari S., Krouwe A. Conspiracy theories political ideology and political behaviour // *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis. 2020. P. 304–316.
58. Whitson J. A., Galinsky A. D. Lacking control increases illusory pattern perception // *Science*. 2008. Vol. 322(5898). P. 115–117. DOI: 10.1126/science.1159845
59. Wood M. J., Douglas K. M. Online communication as a window to conspiracist worldviews // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00836
60. Zhao J., Hahn U., Osherson D. Perception and identification of random events // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2014. Vol. 40(4). P. 1358–1371. DOI: 10.1037/a0036816

Получено редакцией 18.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергеев Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, Университет гражданской защиты МЧС Беларуси

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.798

EDN: TJLDYG

Conspiracy Trend in Everyday Practices of Social Reflection: Theoretical Generalizations

Vsevolod N. Sergeev

University of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus

E-mail: v.n.sergeev@gmail.com

ORCHID: 0000-0001-9809-7864

For citation: Sergeev V. N. Conspiracy trend in everyday practices of social reflection. Theoretical generalisations. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 91–113. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.798; EDN: TJLDYG

Abstract. The article provides a generalized description of such a specific form of social cognition as conspiracy theory. It is emphasised that in the current context, conspiracy thinking can no longer be interpreted as marginal, since it is widely spread as one of the available ways for individuals and groups to reflect on the ambiguous phenomena of social life, primarily related to security threats. Regardless of what final product is produced by the conspiracy theorist – mundane explanations, exotic social, (pseudo)religious concepts, political and geopolitical doctrines, etc. – they are all united by a single conceptual structure (denoted in the work as the “ontological minimum”) and are the result of certain psychological mechanisms. Some similarity of conspiracy theories with the critical direction of philosophical and, more broadly, intellectual thought (in terms of identifying practices of coercion and combating them) is emphasised, with an important caveat about their significant differences (as a rule, an incomparable conceptual level, “excessive”, “unsaturated” skepticism etc.).

When characterizing conspiracy theories, the position of research particularism seems quite justified – the avoidance of a generalized assessment of all ideas with signs of a conspiracy theory, since there is no single rigid criterion. Approaches based on the application of a single criterion to conspiracy theories (conspiracy as a “bad science”, psychopathological discourse, etc.) have limited potential and, if applied systematically, can be criticised for unfounded generalisations (in fact, for the same things that conspiracy theories are criticized for).

On a continuum of variables relevant to understanding conspiracy theories (psychological, social, etc.), most proven connections are not of a hard causal nature. Understanding specific constructions involves identifying exactly how such variables are combined in a particular theory. The above generalised characteristics can become a theoretical basis for empirical studies of the conspiracy trend in the practice of everyday reflection on social problems, primarily existential threats.

Keywords: conspiracy trend, conspiracy theory, conspiracy thinking, epistemological authority, epistemic nonchalance, agency, threat management, alliance detection, coercive practices

References

1. Gutner G. B. Dispozicija [Disposition]. Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow, Kanon +, Reabilitacija. 2009: 205–206 (in Russ.).
2. Luman N. Samoopisanija [Self-Descriptions]. Transl. from Germ.; ed. by O. Nikiforov, A. Antonovsky. Moscow, Logos, Gnozis. 2009: 320 (in Russ.).
3. Pervushin N. S. Double Bind in Russian Media during the COVID-19 Epidemic. *Reflexio*, 2020: 13(2): 44–65 (in Russ.). DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65
4. Ryle G. The Concept of Mind. Moscow, Ideja-Press; Dom intellektual'noj knigi. 1999: 408 (in Russ.).
5. Khokhlov A. A. Conspiracy theories as a phenomenon of media impact on public consciousness. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, 2020: 1: 96–104 (in Russ.). DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-94-102
6. Shnirel'man V. Conspiracy theory and occult forces. *Istoricheskaja jekspertiza*, 2016: 1: 220–240 (in Russ.).
7. Yablokov I. A. Conspiracy theories in contemporary political ideologies of Russia and the United States: how marginal is the language of conspiracy? *Politicheskaja nauka*, 2013: 4: 175–191 (in Russ.).

8. Aupers S. "Trust no one": Modernization paranoia and conspiracy culture. *European Journal of Communication*, 2012: 27(1): 22–34. DOI: 10.1177/0267323111433566
9. Bale J. M. Political paranoia vs political realism: on distinguishing between bogus conspiracy theories and genuine conspiratorial politics. *Patterns of prejudice*, 2007: 41(1): 45–60. DOI: 10.1080/00313220601118751
10. Bangerter A., Wagner-Egger P., Delouvée S. How conspiracy theories spread. Routledge handbook of conspiracy theories. Taylor & Francis, 2020: 206–218.
11. Barkun M. Culture of conspiracy: apocalyptic visions in contemporary America. 2nd ed. University of California Press, 2013: 306.
12. Berman D. S., Stoddard J. D. "It's a Growing and Serious Problem": Teaching 9/11 to combat and conspiracy theories. *The Social Studies*, 2021: 112: 6: 298–309. DOI: 10.1080/00377996.2021.1929054
13. Bohman J. Critical Theory. The Stanford encyclopedia of philosophy (Spring 2021 Edition). Accessed 12.03.2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/critical-theory/>
14. Brotherton R., French C. C., Pickering A. D. Measuring belief in conspiracy theories: the generic conspiracist beliefs scale. *Frontiers in Psychology*, 2013: 4. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00279
15. Cassam Q. Epistemic insouciance. *Journal of Philosophical Research*, 2018: 43: 1–20. DOI: 10.5840/jpr2018828131
16. Charles G.-U. E. Motivated reasoning post-truth and election law. 2020. Accessed 10.03.2022. URL: <https://scholarship.law.slu.edu/lj/vol64/iss4/5>
17. Clarke S. Conspiracy theories and conspiracy theorizing. *Philosophy of the Social Sciences*, 2002: 32(2): 131–150. DOI: 10.1177/004931032002001
18. Cookson D., Jolley D., Dempsey R., Povey R. "If they believe then so shall I": perceived beliefs of the in-group predict conspiracy theory belief. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2021: 24(5): 759–782. DOI: 10.1177/1368430221993907
19. Dentith M. R. X. Expertise and conspiracy theories. *Social Epistemology*. 2018: 32(3): 196–208. DOI: 10.1080/02691728.2018.1440021
20. Dentith M. R. X. When inferring to a conspiracy might be the best explanation. *Social Epistemology*, 2016: 30(5-6): 572–591. DOI: 10.1080/02691728.2016.1172362
21. Douglas K. M., Sutton R. M. Why conspiracy theories matter: A social psychological analysis. *European Review of Social Psychology*, 2018: 29(1): 256–298. DOI: 10.1080/10463283.2018.1537428
22. Douglas K. M., Sutton R. M., Callan M. J., Dawtry R. J., Harvey A. J. Someone is pulling the strings: hypersensitive agency detection and belief in conspiracy theories. *Thinking and Reasoning*, 2015: 22(1): 57–77. DOI: 10.1080/13546783.2015.1051586
23. Douglas K. M., Sutton R. M., Cichocka A. The psychology of conspiracy theories. *Current Directions in Psychological Science*, 2017: 26(6): 538–542. DOI: 10.1177/0963721417718261
24. Drażkiewicz E., Rabo A. Conspiracy theories. In The international encyclopedia of anthropology. 2021: 1–4. DOI: 10.1002/9781118924396.wbiea1993
25. Enders A. M., Smallpage S. M. Informational cues partisan – motivated reasoning and the manipulation of conspiracy beliefs. *Political Communication*, 2018: 36(1): 1–20. DOI: 10.1080/10584609.2018.1493006
26. Gelman S. A., Legare C. H. Concepts and folk theories. *Annual Review of Anthropology*, 2011: 40(1): 379–398. DOI: 10.1146/annurev-anthro-081309-145822
27. Giddens A. Social theory and modern sociology. Cambridge, Polity Press, 1999: 310.
28. Harambam J., Aupers S. Contesting epistemic authority: Conspiracy theories on the boundaries of science. *Public Understanding of Science*, 2014: 24(4): 466–480. DOI: 10.1177/0963662514559891
29. van Harreveld F., Rutjens B. T., Schneider I. K., Nohlen H. U., Keskinis K. In doubt and disorderly: Ambivalence promotes compensatory perceptions of order. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2014: 143(4): 1666–1676. DOI: 10.1037/a0036099
30. Horkheimer M. Critical theory: selected essays. New York, Seabury Press, 1972; reprinted New York, Continuum, 2002.

31. Jolley D., Douglas K. M., Sutton R. M. Blaming a few bad apples to save a threatened barrel: the system-justifying function of conspiracy theories. *Political Psychology*, 2017: 39(2): 465–478. DOI: 10.1111/pops.12404
32. Keeley B. L. Of conspiracy theories. *The Journal of Philosophy*, 1999: 96(3): 109–126. DOI: 10.2307/2564659
33. Leman P. J., Cinnirella M. Beliefs in conspiracy theories and the need for cognitive closure. *Frontiers in Psychology*, 2013: 4. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00378
34. Leone M., Madisson M.-L., Ventsel A. Semiotic approaches to conspiracy theories. *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis, 2020: 43–55.
35. Maij D. L. R., van Schie H. T., van Elk M. The boundary conditions of the hypersensitive agency detection device: an empirical investigation of agency detection in threatening situation. In *Religion Brain and Behavior*, 2017: 1–29. DOI: 10.1080/2153599x.2017.1362662
36. Muirhead R., Rosenblum N. L. Speaking truth to conspiracy: partisanship and trust. *Critical Review*, 2016: 28(1): 63–88. DOI: 10.1080/08913811.2016.1173981
37. Nefes T. S., Romero-Reche A. Sociology social theory and conspiracy theory. *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis, 2020: 94–107.
38. Oliver J. E., Wood T. J. Conspiracy theories and the paranoid style(s) of mass opinion. *American Journal of Political Science*, 2014: 58(4): 952–966. DOI: 10.1111/ajps.12084
39. Pelkmans M., Machold R. Conspiracy theories and their truth trajectories. *Focaal*. 2011: 59: 66–80. DOI: 10.3167/fcl.2011.590105
40. van Prooijen J.-W., Acker M. The influence of control on belief in conspiracy theories: conceptual and applied extensions. *Applied Cognitive Psychology*, 2015: 29: 753–761. DOI: 10.1002/acp.3161
41. van Prooijen J.-W., van Dijk E. When consequence size predicts belief in conspiracy theories: the moderating role of perspective taking. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2014: 55: 63–73. DOI: 10.1016/j.jesp.2014.06.006
42. van Prooijen J.-W., Douglas K. M. Conspiracy theories as part of history: the role of societal crisis situations. *Memory Studies*, 2017: 10(3): 323–333. DOI: 10.1177/1750698017701615
43. van Prooijen J.-W., Douglas K. M., De Inocencio C. Connecting the dots: illusory pattern perception predicts belief in conspiracies and the supernatural. *European Journal of Social Psychology*, 2017: 48(3): 320–335. DOI: 10.1002/ejsp.2331
44. van Prooijen J.-W., Ligthart J., Rosema S., Xu Y. The entertainment value of conspiracy theories. *British Journal of Psychology*, 2021: 13(1): 1–24. DOI: 10.1111/bjop.12522
45. van Prooijen J.-W., Vugt M. van. Conspiracy theories: evolved functions and psychological mechanisms. *Perspectives on Psychological Science*, 2018: 13(6): 770–788. DOI: 10.1177/1745691618774270
46. van Prooijen J.-W. Injustice without evidence: the unique role of conspiracy theories in social justice research. *Social Justice Research*, 2021: 35(1): 88–106. DOI: 10.1007/s11211-021-00376-x
47. Rabo A. Conspiracy theory as occult cosmology in anthropology. *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis, 2020: 81–93.
48. Räikkä J. On the Epistemic Acceptability of Conspiracy Theories. *Social Justice in Practice*, 2014: 61–75. DOI: 10.1007/978-3-319-04633-4_5
49. Rousis G. J., Richard F. D., Wang D.-Y. D. The truth is out there: the prevalence of conspiracy theory use by radical violent extremist organizations. *Terrorism and Political Violence*, 2020: 1–19. DOI: 10.1080/09546553.2020.1835654
50. Stehl T., van Prooijen J.-W. Epistemic rationality: skepticism toward unfounded beliefs requires sufficient cognitive ability and motivation to be rational. *Personality and Individual Differences*, 2018: 122: 155–163. DOI: 10.1016/j.paid.2017.10.026
51. Stokes P. Conspiracy theory and the perils of pure particularism. *Taking Conspiracy Theories Seriously*. Ed. by M. R. X. Dentith. Rowman & Littlefield International Ltd, 2018: 25–38.
52. Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. An existential function of enemyship: evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010: 98(3): 434–449. DOI: 10.1037/a0017457

53. Sunstein C. R., Vermeule A. Conspiracy theories: causes and cures. *Journal of Political Philosophy*, 2009: 17(2): 202–227. DOI: 10.1111/j.1467-9760.2008.00325.x
54. Swami V., Barron D., Weis L., Voracek M., Stieger S., Furnham A. An examination of the factorial and convergent validity of four measures of conspiracist ideation with recommendations for researchers. *PLOS ONE*, 2017: 12(2): e0172617. DOI: 10.1371/journal.pone.0172617
55. Swan T., Halberstadt J. The Mickey Mouse problem: distinguishing religious and fictional counterintuitive agents. *PLOS ONE*, 2019: 14(8): e0220886. DOI: 10.1371/journal.pone.0220886
56. Swan T., Halberstadt J. Anxiety enhances recall of supernatural agents. *The international journal for the psychology of religion*, 2021: 1–17. DOI: 10.1080/10508619.2021.1898808
57. Thórisdóttir H., Mari S., Krouwe A. Conspiracy theories political ideology and political behavior. *Routledge handbook of conspiracy theories*. Taylor & Francis, 2020: 304–316.
58. Whitson J. A., Galinsky A. D. Lacking control increases illusory pattern perception. *Science*, 2008: 322(5898): 115–117. DOI: 10.1126/science.1159845
59. Wood M. J., Douglas K. M. Online communication as a window to conspiracist world-views. *Frontiers in Psychology*, 2015: 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00836
60. Zhao J., Hahn U., Osherson D. Perception and identification of random events. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 2014: 40(4): 1358–1371. DOI: 10.1037/a0036816

The article was submitted on: April 18, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vsevolod N. Sergeev, Candidate of Historical Sciences,
State Educational Establishment, University of Civil Protection
of the Ministry for Emergency Situations of the Republic of Belarus